

The image features a minimalist line-art style illustration. On the left, a lighthouse with a clock face and an anchor is depicted. Below it is a classical building with a portico and columns. On the right, a multi-story building with several windows is shown. A large, thin, curved line sweeps across the lower half of the page, starting from the left and curving towards the right. The text is centered in the upper half of the page.

МЫ НИКОГДА
НЕ ЗНАЕМ...

Нас было трое. Я, Анька и Лена... Почему я вдруг начала вспоминать? Почему именно сейчас? Я что, подошла к какому-то рубежу? Решила уйти назад и дать оценку всему, что произошло с нами? Могло ли все случиться иначе и были ли шанс у каждой из нас что-либо изменить, выбрав другой путь? Или всё было предрешено заранее? Может, мы шли к этому, и всё лишь являлось запутанной закономерностью сложной цепочки событий? Порой жизнь кажется математической формулой, а мы горькими троечниками, не способными найти правильного решения.

Соня внимательно изучала себя в зеркало.

Хоть реанимацию вызывай! И почему с утра морда такая отёкшая? Вроде и не пьёшь, и не жрёшь много.

Вспомнились слова маминой подруги: «Сонечка, это не котлеты, это леты...»

Какие, нахрен, леты! Вот сяду завтра на диету, и мы ещё посмотрим, кто кого!

Она категорически не хотела стареть, считая старость непривлекательной и утомительной.

Соня попыталась немного натянуть лицо к вискам.

Ну вот если чуть-чуть! Совсем другое дело. Хоть скотчем приклеивай!

Дома было непривычно тихо. Она ненавидела тишину. Хотелось распахнуть окна, услышать жизнь хотя бы со стороны. Жить в центре Питера с открытыми окнами невозможно, утонешь в какой-то липкой пыли, похожей на копоть.

Раньше жили, и ничего! Высунешься по пояс из окна, или того лучше — заляжешь на подоконнике, а кругом гул, сигналы машин, обрывки смеха, фраз, стук каблучков. Напридумывали какие-то системы подачи воздуха, занизили потолки... Жить стало чище и скучнее.

Мы никогда не знаем...

Соня побрела на кухню и включила кофемашину.

И кофе раньше лучше был, и варили и мололи сами. Целый ритуал!

Соня пристроилась у вытяжки и затянулась сигаретой.

Так как же всё начиналось?

Она пыталась вспомнить. В голове всё смешалось и переплелось. Хотелось найти невидимый кончик, потянуть за него и вывалить наружу давно пережитое и запрятанное. Она помнила тот день. Смутно, но помнила. Аньку притащила какая-то знакомая. Кто? Неважно...

Соне муж из очередной поездки за рубеж привёз милые белые полусапожки с блестящими металлическими заклёпками. Он ходил в загранку на большом белом пассажирском судне. Работал барменом, а они в те времена рубили капусту поболее старпомов и капитанов. Мутили, скорее всего, что-нибудь, ну и чаевые получали в твёрдой валюте.

Да! Смешно, конечно, сейчас бы и в руки такие не взяла. Из искусственной кожи и, скорее всего, копеечные. Но тогда считались крутыми и стоили у спекулянтов приличных денег.

Сонька с грустью протянула сапоги — они были слишком узкими, и она сразу поняла: носить не сможет. Аня вцепилась в них, мгновенно натянула и радостно забегала по квартире.

— Сколько?

Знакомая, недолго думая, назвала сумму. Сонька покраснела и уставилась на неё, смешно выпучив глаза от удивления.

— Ладно, беру! — Анька недобро зыркнула на посредницу. — Сонь, телефон свой черкани, а я тебе свой оставлю.

Вдруг ещё что из шмотья появится. Я, если что, и своим показать могу, лишних денег не бывает.

Знакомая-посредница делала лица и была явно недовольна:

— Ань, я, между прочим, не знакомиться тебя привела, а сапоги покупать!

Сонька растерянно поглядывала на девчонок. Анька девчонка не из робких, за себя, видно, постоять умела. Она сразу понравилась Соне. Маленькая, с тоненькими ручками и ножками, и при этом всё при всём. Особенно Соню покорили огромные серо-голубые глаза, россыпь золотых веснушек на бледной мраморной коже и копна Анькиных русых кудрей.

Аня приехала из Одессы по напутствию еврейской мамы поступать в высшее учебное заведение Ленинграда — конечно, в Финэк. В первый год, завалив экзамены, не стала горевать, а выскочила замуж за одногодку из приличной еврейской семьи ленинградских стоматологов. Веня к учёбе был равнодушен и пошёл осваивать ремесло ювелира. В восьмидесятые это было совсем неплохим занятием. Приобрести что-либо стоящее было крайне затруднительно, даже обручальные кольца продавались по талонам ЗАГСа. Так что Аня и её одесские родственники считали, что она совсем неплохо пристроилась.

Соня отчётливо помнила, как захотелось с ней сдружиться. Именно такого человека не хватало ей по жизни. Знакомых было полно, а вот настоящей подруги не хватало. Сонька была ведомой, и ей обязательно хотелось кого-то сильного и надёжного. Аня подходила, она сразу почувствовала это, но та так и не позвонила.

Встретились они года через три, совершенно случайно. У неё уже была маленькая, вечно сопливая Лиза и муж,

который медленно спивался и больше не ходил в заграничку. Вскрылись какие-то махинации с алкоголем, и его, к счастью, без особого шума уволили. На берегу устроился работать опять же барменом в гостиницу «Ленинград», место хоть и прибыльное, но, видно, не по душе оказалось.

Соня с ужасом наблюдала за тем, как рушится их жизнь. Даже появление Лизы ничего не решило. Она поняла, что совсем не знала его и, наверно, совсем не любила. Партия-то вроде была неплохая, а виделись совсем редко. Где тут разглядишь! Спокойная жизнь, да ещё и при полном достатке, вполне устраивала Соню. Кто знал, что всё так обернётся? Она совсем не была готова к запоям и пьяным выходкам. Из гостиницы его поперли, денег не стало, а дочку растить надо. Думала на работу устроиться, а куда мелкую деть? Вечно болеет, в садик не отдашь. К матери не пойдёшь за помощью, у неё самой проблем выше крыши — простая медсестра в районной поликлинике. Отца она не видела ещё с начальной школы, вроде бабу какую-то нашёл. Деньги небольшие переводил, а вот видаться не хотел. Соня особенно не горевала, мать всегда ближе была. И как она ухитрилась её вырастить на такие крохи? Ведь и одевала всегда прилично и, как-никак, дала возможность педагогический закончить. И что, сейчас прийти к ней со всем своим дерьмом и с Лизой на руках?! А ведь предупреждала, что лёгкие деньги счастья не принесут! Видно, права была. — А почему лёгкие? Совсем и не лёгкие оказались!

Сонька вспомнила Ольгу, свою институтскую знакомую. Девка хорошая, давно, правда, не виделись. Оля была из интеллигентной питерской семьи, весёлая и предприимчивая. У неё всегда водились деньги, что-то вечно мутила и таскала ещё в институте какую-то заморскую мелочёвку на продажу.

— Оль! Привет! Увидеться надо, поболтать. Дело есть. Может, ко мне подрулишь? Лизку оставить не с кем!

Ольга ввалилась с коробками пирожных из «Метрополя» и бутылкой шампанского.

— Ну, что у тебя? Последний день Помпеи?

Сонька виновато заулыбалась, поправляя лохматые волосы. Потом махнула рукой и, едва сдерживая слезы, промямлила:

— Оль, научи меня деньги зарабатывать! Мне позарез нужны. Лето скоро. Ребёнка на море вывезти надо.

Лизка сидела на ковре и старательно перебирала колечки на деревянной пирамидке. Оля присела рядом.

— Какая славная! Тоже хочу дочку. Вот найду мужика приличного и тоже рожу.

— Оль! Нам жить не на что! Научи! Я ведь с ней одна теперь.

— Я думала, ты в шоколаде! Ну что... Открывай закрома. Твой вон сколько в загранку ходил. Поди, добра полный дом!

— Скажешь тоже! Добра!

Ольга рылась в Сонькином шкафу, то и дело выкидывая приглянувшиеся шмотки.

— Сумку носи! — командовала Оля. — Одевайся, сейчас к спекулянтке одной поедем!

— А Лиза?

— Что Лиза? С собой возьмём, раз деть некуда. Дети — это хорошо, только сколько мороки с ними. Нет, пожалуй, пока рожать не буду! — Ольга весело рассмеялась. — А давай я её одену, пока ты собираешься? Какая же она малюсенькая! А пальчики какие крохотные!

Они вывалились из парадной. Оля заботливо прижимала притихшую Лизку к груди, а Соня терпеливо тащила огромную спортивную сумку, набитую до отказа.

— Жалко? — спросила Ольга с сочувствием.

— Да иди ты! Скажешь тоже!

— Это точно! — рассмеялась Оля и подмигнула испуганной Соньке.

— Все это барахло можно в один день купить, были бы бабки!

На улице всю ночь валил снег, и дворничиха Наталья Сергеевна с утра орудовала лопатой.

— Куда ребёнка потащили? — возмущённо крикнула Сергеевна, поправляя серый оренбургский платок. — Сколько раз говорила: если надо куда, оставь Лизу, и притесь куда хотите!

— Какая строгая! — Ольга рылась в карманах. — Подожди, ключи найду. Вон тигрюша моя стоит.

Соня с уважением посмотрела на «Ладу» третьей модели.

— Твоя что ли? Сама купила? А «тигрюша» почему?

Ольга засмеялась.

— Так это самый некозырный цвет — рыжий. Других не было! Хорошо, что хоть эту достала по великому благу, ещё и переплатить пришлось. Ласково назвала, чтобы привыкать легче было! Ну и попривыкла как-то. Вот подкоплю немного и «дипломат» куплю. Ну сине-фиолетовую! Понтовая машина.

— И я куплю! — с твёрдой убеждённой сказала Соня. — Только водить не умею. А права есть!

— Ну так дело за малым! — Ольга прыснула от смеха.

Всю дорогу Соня мучала расспросами.

— А эта спекулянтка, она какая? Старая? Злая?

— Почему старая? Как мы, наверно. И не злая вовсе! Отличная баба. У неё отец какой-то партийный работник, а она во все тяжкие. И спекулем занимается, и по иностранцам ходит!

— За деньги? — Сонька вытаращила глаза.

— Не знаю, как за деньги, но за подарки точно. Просит, что в голову взбрёт! Даже шубы и кольца с бриллиантами!

— И что? Дарят?

— А куда они денутся? Она говорит — утром деньги, вечером стулья!

— Ничего себе! — Сонька заёрзала. — Неудобно же!

— Ей всё удобно! Кайфовая она, настоящая. Замуж за фирмача выйти хочет. Подлянку своему папаше подкинет! Он ещё тот хлыщ, ни одной юбки не пропустит. Даже ко мне клеился, козлина. А мать у Ленки что надо! Понимает и не лезет с нравоучениями. Типа твоя жизнь, ты и крои её, как хочешь. Не то что мои! Все учат! Что, если я не хочу на зарплату учительши жить? Я у них позор семьи... Ладно, приехали!

Ольга с пятой попытки коряво припарковала тигрюшу, перebrав весь запас отборного мата. Лена жила в красивом старинном доме недалеко от Театральной площади, с прекрасным видом на Крюков канал.

— Вы к кому? — строго спросила пожилая женщина, похожая на тех, что сидят на стульчиках в Эрмитаже и злобно поглядывают на посетителей в надежде к чему-либо придраться.

— Да мы к Лене из восьмой! Вы же меня сто раз уже видели!

Мы никогда не знаем...

— Видела, не видела... — консержка явно была не в духе.

— Ну так мы пойдём?

— Идите! Можно подумать, тут кроме Ленки никто и не живёт! Ползают с кутулями туда-обратно!

Ольге захотелось послать её куда подальше, да нельзя! Ещё стуканёт, куда следует. Хотя, скорей всего, уже нашептала участковому, как пить дать, коммунистка хренова! Сама не по закону сидит в парадной, а на других бочку катит!

— Лен, ну и бультерьер у тебя внизу сидит!

— Да ладно, прикормленная она. Что стоите, проходите!

Сонька затащила свою непосильную ношу.

— А это кто у нас тут? — Лена нежно схватила Лизку за пухлые щеки. Малышка смешно заулыбалась и потянула ручонку к совсем незнакомой тётке.

— Спокойная она у меня, никаких забот.

Соне полегчало. Ленка была простая, без выпендрёжа и совсем не похожа на русскую. Чистый интурист. Короткая мальчишеская стрижка, озорные серые глаза и грудь какого-то невероятного размера. На ней ладно сидели голубые потёртые джинсы, а в ушах поблёскивали бриллиантовые сережки. «Трофейные! — подумала Сонька. — Тоже такие куплю!»

Ленкина квартира была особенной. Соня молча бродила по гостиной и разглядывала причудливые статуэтки и старинные вазочки. Все было из какой-то другой, загадочной жизни. Ей нравились антикварные штучки, и она часто забегала в магазин на Наличную и подолгу бродила, разглядывая витрины массивных шкафов из красного дерева. Соне всё время хотелось купить хоть одну вещицу, пусть